

Фокин Валерий

25.01.2000

Валерий Фокин:

Известия. - 2000. - 25 янв. - с. 11

Если у тебя нет аншлага, то дело в тебе

Через несколько дней откроется Театральный центр имени Мейерхольда. Он был заложен около шести лет назад, и его история началась с громкого театрального скандала. Валерий Фокин, тогда еще главный режиссер Театра имени Ермоловой, собирался строить центр за своим театром, на Тверской, но против этого дружно воссталла труппа, и Фокину пришлось уйти... Мало кто верил, что ему все-таки удастся выполнить задуманное, но театральная часть уже готова — трансформирующийся зрительный зал на шестом этаже, открывающийся потолок (в спектаклях может быть задействован дневной свет), репетиционные залы на пятом, помещения для выставок, клуб... Вскоре будет завершена и коммерческая часть, которая станет кормить Центр. Это — одно из главных театральных событий года, и сегодня на наши вопросы отвечает строитель Центра, режиссер Валерий ФОКИН.

— Я помню, как после склок в Ермоловском театре спокойные и здравомыслящие люди писали, что этот проект погубил Фокина... Никто не верил, что Центр будет построен.

— Речь идет не о том, что мы построили еще один театр, а о новой модели театрального дела. Создан прецедент — наше здание сооружено не на бюджетные деньги, а на средства инвесторов. У нас никто не хочет давать деньги на культуру: одни инвесторы убежали в 1991 году, другие после дефолта. Потом бывший ОНЭКСИМбанк, ставший Росбанком, довел это дело до конца.

— Кем вы будете в этом театре — главным режиссером, художественным руководителем...?

— Наверное все-таки художественным руководителем. Ведь это не государственный театр и не антреприза, которая собирает артистов из разных театров, это не прокатная площадка. Мы создаем

— Иными словами, вы создаете театр, свободный от кассы.

— Философия этого проекта заключалась в том, чтобы кроме сцены иметь площади, которые могли бы содержать некоммерческий театр. Тогда мы сможем заниматься театральными опытами.

— Мне трудно поверить, что в этом здании не будет постоянно актерского ядра — режиссеры любят расти артистов...

— Я прошел разные театры, был главным, воспитывал своих актеров — у меня и сейчас есть артисты, с которыми я очень люблю работать... Но объединять их в труппу мне не хочется. Я не хочу, чтобы это была площадка, где идут мои спектакли. После открытия пройдет фестиваль моих работ, но я это делаю только для того, чтобы зрители запомнили тропинку к нашему дому.

— В последнее время театр все больше становится делом камерным, лабораторным — он уходит в эксперимент и отдаляется от широкого зрителя. Чем-то подобным собираетесь заниматься и вы в вашем Центре. Мне кажется, что это не очень хорошо: театр — массовое искусство, в маленьком зале он теряет что-то очень важное...

— Я по своей природе всегда тяготел к лаборатории, мне было интересно делать что-то новое, кидаться в разные жанры. Кого-то привлекает массовый успех, а меня — театральные исследования. А заполнить большой зал несложно: несколько популярных

имен, бойкая пьеса, занятное постановочное решение... Если ты последуешь этим рецептам, то легко соберешь тысячу зрителей — другое дело, насколько все это будет художественно. А если у тебя нет аншлага, то дело в тебе: многие режиссеры бегут на малую сцену не ради эксперимента, а от неумения, потому что им легче работать для пятидесяти человек.

— Вы говорите, что собираетесь учить молодых режиссеров, но в последнее время с ними происходит что-то странное. Они ярко дебютируют, а потом, от спектакля к спектаклю, их мастерство идет на спад — взгляните хотя бы на то, что происходит с Невежиной.

— Это очень сложная проблема — режиссерская профессия трудна, хороших режиссеров всегда было мало. А нынешнее время к тому же никак не способствует сосредоточенности и выработке волевого стержня. Режиссер должен иметь право на ошибку, а нынешние молодые боятся ошибиться. Им кажется, что ошибка — это когда на тебя не ходят зрители, когда твой спектакль не имеет кассового успеха. И они начинают обслуживать крупных артистов — может быть, лучше сделать вот так? А может быть, вы здесь станете? В результате теряется режиссерская жесткость, уходит индивидуальность. А режиссер должен уметь настаивать и рисковать, он должен не бояться проигрыша, у него должно хватить воли уйти из спектакля...

ВИКТОР АХЛОМОВ

они этого не могут. У них разбегаются глаза — нынче и в самом деле много соблазнов, антреприза предлагает им большие деньги. Мне повезло — в свое время «Современник» создал для меня тепличные условия, но работать с большими артистами все равно было тяжело. Они меня отторгали, вили из меня веревки на репетициях — я не принадлежал к их школе и разговаривал на другом языке. Мне казалось, что на тумбах сидят и лениво облизываются тигры — ага, голубчик, когда тебя сожрать? Но это было очень хоро-

шей школой — я бился головой о стену, но в результате делал то, что хотел. А сегодняшние молодые чересчур суетятся и делают то, за что им платят.

Житинкин начал у меня, в Театре Ермоловой. Тогда он был способным и интересным парнем, а что с ним происходит сейчас? Любой заказ за две недели, сделаю все, что хотите... Жалко, что он расстратил свой дар. Поэтому я и хочу, чтобы в нашем доме у молодых была возможность другой работы — серьезной и сосредоточенной.

Алексей ФИЛИППОВ

